

метафізики жанрів, витворену українськими письменниками 20-х років, **тобто** коло літературознавчих шкіл свідомо обмежене найбільш прикметними, зародження та формування яких впливало чи перебувало під впливом епістемі кінця XIX – початку XX ст., що, за визначенням О. М. Пешковського, характеризує саме сурядний зв'язок. Щоправда, на сьогодні ця позиція спростована, зокрема, В. А. Белошапкова вказала на те, що така «гнучкість» є явищем суто семантичним, а не формальним, однак факт відносної автономності частин пояснювально-ототожнювальних конструкцій досить показовий, оскільки ставить ці конструкції в один ряд із складносурядними єднальними.

Констатація негнучкості структури пояснювально-ототожнювальних конструкцій уможливило заперечити позицію, висловлену в науковій літературі, щодо можливості препозиції, інтерпозиції та постпозиції пояснювальної частини, зокрема в реченнях уточнювальної семантики [8, с. 8-12].

Отже, пояснювально-ототожнювальні конструкції характеризуються таким набором ознак формальної організації, як сурядний синтаксичний зв'язок, закритість та негнучкість структури, наявність спеціалізованих показників синтаксичного зв'язку та семантичного відношення – сполучників та їх аналогів.

Джерела і література

1. Бевзенко С. П. Структура складного речення в українській мові. Навч. посібник – К., 1987. – 80 с.
2. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. – М., 1977. – 248 с.
3. Вихованець І. Р., Городенська К. М., Русанівський В. М. Семантико-синтаксична структура речення. – К., 1982. – 219 с.
4. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис: Підручник. – К., 1993. – 368 с.
5. Вихованець І. Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови. – К., 1992. – 224 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – 767 с.
7. Загітко А. П. Теоретична граматики української мови: Синтаксис: Монографія. – Донецьк, 2001. – 662 с.
8. Ойце И. М. Сложные предложения с пояснением в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1965. – 18 с.

Глазунова Е. А.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПЕРЦЕПЦИИ

В русле антропоцентрического подхода к языку, выдвинутого В. Гумбольдтом (концепции Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, неогумбольдтианство) и являющегося ведущим в научной парадигме последних десятилетий, одним из актуальных векторов языкознания стало изучение языковой картины мира, которая есть результат взаимодействия языка как системы и языковой деятельности в познании мира [1, с. 35]. Одной из форм познания окружающей действительности является перцепция (восприятие). Возникающие в процессе восприятия чувственные данные, ощущения приобретают предметное значение. Данный предмет определяется понятием, который находит свое выражение в значении слова, затем во внутренней речи и на коммуникативном уровне [2, с. 178]. Психологией достаточно хорошо изучены механизмы восприятия и выделены различные его этапы и компоненты.

В языке перцепция получает выражение в определенных языковых единицах, которые, не зависимо от уровня репрезентации, образуют микросистему, определяемую нами как функционально-семантическое поле перцепции (ФСПП).

Функционально-семантическое поле перцепции еще не получило системного описания: представлены лишь атомарные исследования его отдельных сегментов, в частности, достаточно подробно описаны колоризмы как вид визуализмов (Р. В. Алимпиева, А. П. Васильев, Т. В. Гребнева, А. В. Зеленин, В. Г. Кульпина, О. А. Мещярякова и др.), представлены работы по аудизмам (А. П. Журавлев, Е. В. Невзглядова, Л. Крысин и др.), ведется научный поиск в отношении ароматизмов как составной части поля перцепции (диссертация Н. В. Павловой). Практически не изучен массив слов, передающих тактильные и вкусовые ощущения.

Различные процессы человеческого восприятия в языке выражаются целой системой разноуровневых единиц (*видеть; тихий; запах сирени; скрипнула калитка; гладкий, как шелк; пробовать на вкус* и др.). Согласно психологической классификации, основанной на физиологии актов перцепции, восприятие может быть визуальным, аудиальным, тактильным, ольфакторным (обонятельным) и вкусовым. Язык отражает все эти акты, что позволяет соответствующим образом систематизировать перцептивы и сделать вывод: функционально-семантическое поле перцепции является полицентрической структурой, состоящей из 5 автономных зон. Каждая зона представляет собой комплексную систему, поскольку включает в себя определенные лексико-семантические группы, объединенные интегральным семантическим признаком, и обладает концентрической структурой, в которой выделяется центр и периферия.

Вся лексика, номинирующая процессы, этапы, предметы перцепции (ПП), может быть классифицирована с учетом экстралингвистически факторов. Непосредственно процесс получения перцептивной информации (ПИ) называется рецепцией и представляет собой субъективный компонент перцепции, понимаемой в данном случае широко. В языке данный механизм представлен номинатами зрительного, слухового, осязательного, обонятельного и вкусового восприятия – рецептивами: *видеть, слышать, трогать, нюхать, пробовать (на вкус)* и их синонимами.

Лексемы, которые обозначают источники ПИ, представляющие собою любые реалии окружающей действительности, воздействующие на органы чувств человека и дающие импульс к возникновению рецепции, а также непосредственно процессы воздействия и свойства данных объектов могут быть определены как перцептивы. Перцептивы выражают объективный компонент восприятия.

Под перцептивами понимаются лексемы, обозначающие общие для ряда объектов свойства или общий процесс проявления данных свойств, воспринимаемых рецепторами (*пахнуть* – «1. издавать какой-либо запах» [3, с. 788]; *вкус* – «1. Ощущение, возникающее в результате раздражения рецепторов, расположенных на языке, мягком небе и задней стенке глотки, различными веществами» [3, с. 135]; *звучать* – «1. Издавать, производить звуки. 2. Раздаваться, быть слышимым [3, с. 361]» – это собственно перцептивы. С ними соотносятся также слова, фиксирующие в своей семантике определенные перцептивные свойства, признаки конкретного ПП, –

визуализмы, аудизмы, тактилизмы, сейворизмы, ароматизмы (*маленький* – «1. незначительный по величине, размерам» [3, с. 515]; *хруст* – «1. сухой треск чего-либо ломающегося, раздробляемого и т. п.» [3, с. 1455]; *сирень* – «высокий декоративный кустарник семейства маслиновых с бледно-лиловыми или белыми душистыми цветками (здесь и далее выделено нами – Г. Е.)» [3, с. 1188]).

В языке и речи максимально отражены зрительные образы: человек передает словами то, что он видит. В этой связи поле визуального восприятия является наиболее объемным. Ядро зоны зрительного восприятия составляют рецептизмы *видеть* – «2. Воспринимать зрением» [3, с. 130], *смотреть* – «1. Направлять взгляд куда-либо, чтобы увидеть» [3, с. 1219], а также глаголы, входящие в один синонимический ряд с ними: *видеть* – *видать, зреть, наблюдать, замечать, примечать, любоваться* [4, с. 89]; *смотреть* – *глядеть, зреть, взирать, всматриваться, рассматривать, засмотреться, разглядывать, заглядеться, воззриться, созерцать, наблюдать, примечать, глазеть, уставиться* и др. [4, с. 554].

Данные глаголы обозначают не только собственно процесс восприятия объектов зрением, но и интенсивность данного действия (*рассматривать* – «1. Внимательно всматриваясь, ознакомиться с кем-, чем-либо; разглядеть» [3, с. 1097]); содержат аксиологический компонент (*любоваться* – «Рассматривать кого-, что-либо с восхищением, удовольствием» [3, с. 509]), а также могут быть стилистически маркированы (*глядеть* – «Разг. 1. Устремлять, направлять взгляд на кого-, что- или куда-либо; смотреть» [3, с. 210]).

Поле визуального восприятия составляют и лексемы, номинирующие определенные свойства зрительных образов, – визуализмы. Тот или иной визуальный объект обычно характеризуется по трем константным параметрам: величина, цвет и форма. Однако, видя предметы, мы можем определить и вещества или материалы, из которых они сделаны, поэтому к визуализмам мы относим номинатемы, обозначающие величину, цвет, форму и материал.

Аудиовосприятие было детально изучено психологами, физиками, лингвистами (Г. Гельмольтц, А. П. Журавлев, Е. В. Невзглядова, Х. Шиффман и др.). Слуховое восприятие является целостным, осмысленным и обобщенным, поскольку не только один звук может вызвать определенные ассоциации, но и их система несет определенную информацию о внешнем мире, которая позволяет адекватно реагировать на нее человеку. Зону аудиовосприятия составляют лексемы, обозначающие различные звуки (*шум, шорох, крик, голос*), процессы их восприятия (*слышать, слушать, внимать*) и проявления (*звенеть, шептать, лаять, бах!, дзень!*), а также звуковые свойства (*тихий, звонкий, мелодичный*), которые могут содержать аксиологический компонент. Денотативная область аудиоощущений описана на уровне лексико-грамматических классов (звукоподражания, междометия), звукописи и фоносемантики.

Тактильное поле восприятия формируют лексемы, обозначающие осязательные способности человека, а также данные о свойствах ПП. В ядро этого поля входят рецептизмы осязания: *трогать, касаться, цупать* и др. Свойства, признаки предметов выражаются тактилизмами, которые составляют две лексико-семантические группы:

1) тактилизмы, определяющие рельеф поверхности предмета: *шершавый, гладкий, колючий*. Для данной группы характерно употребление эквативов: *гладкий, как шелк, колючий как еж*, что может свидетельствовать о предметности тактильного восприятия;

2) тактилизмы, связанные с физическими характеристиками предметов: *мягкий, холодный, сухой, скользкий*. Восприятие данных характеристик возможно исключительно в совокупности с кожными ощущениями человека: ощущением давления, температуры, боли и т. п.

Обоняние является одной из основных составляющих познания и осознания окружающей действительности. На эмоциональное состояние человека запахи оказывают не меньшее воздействие, чем визуальные раздражители, поскольку обонятельная перцепция субъективна и, как правило, осуществляется несознательно. Тот или иной запах несет в себе аксиологическую информацию об окружающей действительности, которую человек приобретает в течение всей своей жизни [6].

В языке и речи функционирует ряд единиц, репрезентирующих непосредственно понятие «запах» (*благоухание, смрад, амбре*), процессы рецепции (*нюхать*) и проявления данного свойства (*пахнуть, источать аромат*), а также лексемы, содержащие в семантической структуре либо нейтральную сему 'запах' (*деготь* – «густая темная смолистая жидкость с запахом...» [3, с. 245]), либо данный семантический признак, осложненный оценочным компонентом (*черемуха* – «дерево или кустарник сем. розоцветных, с белыми душистыми цветками...» [3, с. 1472]) – последние определяются как ароматизмы. Эти единицы имеют определенные грамматические характеристики и объединяются в лексическую парадигму, имеющую полевую структуру.

Поскольку восприятие запахов в значительной степени субъективно, то в языке запахи получают, прежде всего, аксиологическую характеристику: приятный/ неприятный (*эфирное масло* – «летучая маслянистая жидкость с приятным запахом, содержащаяся в некоторых растениях» [3, с. 1527]; *аммиак* – «бесцветный газ с резким неприятным запахом, представляющий собой соединение азота с водородом...» [3, с. 37]).

Ядро ольфакторного поля составляют перцептизмы, репрезентирующие понятие «запах» и представляющие собой градуальную аксиологическую оппозицию: *аромат, благоухание, благовоние, амбре* – *запах* – *вонь, зловоние, смрад, смл.* Лексема *запах* в данном семантическом ряду занимает нейтральную позицию. В ядро поля запаха входят и глагольные перцептизмы, обозначающие процесс проявления данного свойства (*пахнуть, благоухать, вонять* и др.) и рецептизмы, обозначающие процесс восприятия запахов (*нюхать, обонять*).

Согласно исследованиям Т. И. Плужниковой, ароматизмы формируют несколько лексико-семантических групп [7]:

- 1) запах отдельных предметов-артефактов (*воняет спичками, запах свежей постели*);
- 2) запах ароматических веществ, включающий запахи парфюмерных изделий, запах химических веществ, запах лекарств (*аромат духов, пахнет серой, запах наштампа*);
- 3) запах растений (*розы, источающие одуряющий аромат*);
- 4) физиологические запахи (*пахло мышами*);

- 5) запах дыма и гари (*в воздухе пахло гарью*);
- 6) запах пищи (*запах лука, сильно пахнет лимоном; запах водки*);
- 7) запах помещения (*в воздухе запахло парикмахерской*);
- 8) запах реалити, лишенных вещественности (*одуряющий запах весенней ночи*).

Следует отметить, что дефиниционная закрепленность ольфакторного признака не регулярна и представлена у слов всего нескольких лексико-семантических групп ароматизмов, для которых сема 'запах' является дифференциальной. Экспликация же данного признака происходит в контексте.

Обонятельные и вкусовые формы перцепции тесно связаны между собой, так как они обусловлены химическими свойствами ПП. Из комплекса ощущений, вызываемых вкусовыми характеристиками веществ, психологи выделяют четыре основных качества – соленое, кислое, сладкое и горькое. Однако человек ассоциирует вкусовые ощущения не только с отдельными свойствами пищи, но и с предметами, обладающими различными вкусовыми характеристиками (*вкус яблока, вкус жареного цыпленка*). В языке существует слова, обозначающие рецепцию (*пробовать на вкус, вкушать, отвеживать, смаковать, дегустировать*), собственно вкусовые ощущения и их оценку (*сладкий, соленый, горький, терпкий, вяжущий, пресный; вкусный, аппетитный, лакомый, смачный, невкусный; острый, резкий, слабый* и др.), а также вещества и предметы, обладающие вкусовыми характеристиками (*уксус – «жидкость с резким кислым вкусом, представляющий собой водный раствор уксусной кислоты» [3, с. 1382]; айва – «южное плодое дерево семейства розоцветных с ароматными желтыми, кисло-терпкими плодами, похожими по форме на яблоко или грушу» [3, с. 31] и др.*).

Таким образом, в языке функционирует целая система разноуровневых единиц, обозначающих различные процессы и компоненты человеческого восприятия, которые образуют полицентрическую структуру функционально-семантического поля перцепции и образуют 5 автономных зон: зона визуального, аудиального, тактильного, ольфакторного (обонятельного) и вкусового восприятия. Каждая зона представляет комплексную систему, поскольку включает в себя определенные лексико-семантические группы, объединенные интегральным семантическим признаком, и обладает концентрической структурой, в которой выделяется центр и периферия.

Дальнейший научный поиск в данном направлении поможет максимально точно структурировать функционально-семантическое поле человеческого восприятия.

Литература

1. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 111.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002.
3. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 667 с.
5. Горбачевич К. С. Краткий словарь синонимов русского языка. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 605 с.
6. Плужников М. С., Рязанцев С. В. Среди запахов и звуков. – М.: Молодая гвардия, 1991.
7. Плужникова Т. И. Формально-семантическая характеристика дериватов, мотивированных ароматизмами./ Система і структура східно-слов'янських мов: До 60-річчя наукової та педагогічної діяльності професора М. Я. Бріцина: Зб. наук. праць. – К.: Знання України, 2004.

Говердовский В. И.

КОННОТАТИВНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Системное и систематическое сопоставительное исследование близкородственных языков, в частности, русского и украинского начинается разворачиваться с 70-х годов прошлого века [1] [2], но сравнение лексики по морфемному и экспрессивно-коннотативному параметру осуществлялось значительно реже и фрагментарно [3]. Между тем, экспрессивно-коннотативный облик целого слова складывается из экспрессивно нагруженных и стилистически отмеченных составляющих его частей – суффиксов, поэтому сравнение слов близкородственных языков по этим составляющим дало бы интересную картину коннотативной дивергенции лексики, а разная экспрессивная наполненность и разная стилистическая отнесенность этих форм даст возможность оценить экспрессивно-стилистическую диспропорцию вокабуляра близкородственных языков. Это и составляет цель нашей работы.

Что касается понятия коннотации, то оно трактуется нами очень широко, не только как «Додаткове значення слова, словосполучення, чи виразу, його супроводні семантичні відтінки, що накладаються на основне значення, служать для вираження різних експресивних, емоційно-оцінних забарвлень і можуть надавати висловленню урочистості, невилученості, фамільярності тощо» [1], но и как такие свойства употребления языковых средств, которые могут быть обусловлены территориально, функционально, экспрессивно и т. д., т. е. любые показатели или маркировки, которые касаются сферы употребления языковых средств.

Не всегда правильно усматривать наличие коннотативных свойств лексики на основе существования оригинального коннотативного аффикса. В другом языке могут иметься иные по форме аффиксы, содержащие подобные по виду и степени коннотации. Так, коннотативные отличия как будто легко усматриваются в словах, не имеющих аналогичных по форме суффиксов в словах близкородственного языка, как, например, в русских словах *дорогуша, капуша, кумушка* с их экспрессивно-мелиоративными суффиксами *-уш(а), -ушк(а)*. Эти формы отсутствуют в украинском языке, но зато имеются аналогичные по коннотативному содержанию: например, для форм *-уш(а), -ушк(а)* имеются аналоги *-ун(я), -ун(ь)*. Ср.: *бабуня, татунь*, которые выражают чувство в такой же степени, как и аналогичные русские слова с другими суффиксами *бабушка, папочка*.

Таким образом, мы не всегда можем приписывать языку А наличие так называемых «тонкостей», если в лексике языка Б нет, например, идентичной морфемы. В любом языке почти всегда можно найти содержательную идентичную форму. Если в русском языке имеется суффикс субъективной оценки *-ушк(о)*, а в украинском его нет, то это не значит, что русский более «гибок», «тонок» или экспрессивен, чем украинский, потому что есть в украинском другие содержательные эквиваленты, целиком передающие гамму экспрессии, заложенной в этом русском суффиксе. Ср.: рус. *гнездышко* – укр. *гніздечко* и соответственно *зернышко* – *зернятко, пятнышко* – *плямка, солнышко* – *сонечко* и т. п. И наоборот, русский язык свободно находит замену для украинской формы –